

ВАДИМ ГОНЧАРОВ

ХЛОПОК одной ладони

Собрать себя заново

Вадим Гончаров
Хлопок одной ладони

«Автор»

2016

Гончаров В.

Хлопок одной ладони / В. Гончаров — «Автор», 2016

Что происходит с человеком, находящимся между жизнью и смертью? Не в философском смысле, а буквально: после аварии герой этой книги вынужден решать серьезные экзистенциальные вопросы... а жизнь идет своим чередом. Воспоминания, сновидения, тайные тропы души – все это переплетается с шумом машин и голосов, любовными встречами и расставаниями, мечтами и планами, которым не суждено сбыться. Эта книга предлагает читателю сплести из сюжетных линий свой ответ на вечные вопросы жизни, смерти и любви. Какой жанр у этой книги? Пожалуй, философская притча, переплетенная с живой прозой, психологическая повесть на грани сновидения и любовной истории. Попытки воскресить память и стать собой, но уже обновленным.

© Гончаров В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

ПАМЯТЬ	6
Алиса	8
Максим	10
ТЕМНОТА	13
Алиса	15
ПОСТОЯНСТВО ПАМЯТИ	17
Максим	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Вадим Гончаров

Хлопок одной ладони

Однажды учитель спросил ученика: что такое хлопок одной руки?

Хлопок одной руки, – ответил ученик, – подобен тому, как человек может прожить свою жизнь, не приходя в состояние осознанности и не встретив ничего. Бессмыслица, так и рука напрасно делает движение – она не встретит другую руку.

ПАМЯТЬ

Перед глазами все двоится, меня слепит яркий свет, голова раскалывается от боли, я чувствую, что задыхаюсь и не могу сделать вдох, кашляю, с силой тяну воздух всей грудью, легкие разрывает страшная боль, слышу свой крик...

Почему-то совершенно не могу вспомнить, как я здесь оказался, что это за место. В груди ноет, и болит голоса слева, как будто кто-то воткнул мне в череп иглу, которая достает до самого центра, причиняя постоянную тупую боль. Я даже провожу рукой по волосам, проверяя... нет, с головой все в порядке. Останавливаюсь, чтобы привести мысли в порядок. Что со мной случилось, почему я ничего не помню?

Внутри что-то обрывается: как можно жить без памяти? Сейчас со мной только мое настоящее, прошлого не существует, даже происходящее как будто не остается в памяти. Хотя нет, я помню, как задался мыслью: «Что со мной происходит?», и остановился, а это произошло... сколько? Пять минут назад? Я вижу мутную пелену по сторонам, под моими ногами – совершенно гладкий пол какого-то невнятного цвета... как может такое быть, что я не могу определить цвет пола?

Я шел вдоль этого пространства какое-то время, не покидало ощущение, что это коридор, а значит надо пойти поперек и хотя бы увидеть стену. Да, стена есть, теплая, слегка шершавая, к ней можно прислониться, присев, и сделать еще раз попытку собраться с мыслями. Итак, от чего я могу оттолкнуться в этом месте? Смотрю на руку, взгляд снова приобретает способность фокусироваться, но рука... Я не узнаю ее. Ощупав лицо, пытаюсь понять, как выгляжу, но не могу. Я точно знаю, что я мужчина, нет смысла даже это проверять: видимо, это знание находится в той области памяти, которая до сих пор со мной. Я откуда-то знаю, что мой рост выше среднего. Больше – ничего. На мне надета клетчатая рубашка синего цвета (о, рубашка синяя, а вот пол я все еще не понимаю, какой), и полинявшие голубые джинсы. На ногах – сильно поношенные кроссовки.

Запускаю руки в карманы и сразу выдергиваю правую – резкая боль. Смотрю на средний палец – он порезан, темно-красная кровь выступает из пореза. В левой руке у меня вынутый из кармана пластмассовый солдатик, одетый в форму советских солдат Второй мировой войны. Одна рука солдатика выглядит отломанной, приглядевшись, я замечаю, что она просто не приклеена – весь солдатик склеен из частей. Осторожно запускаю правую руку в карман – палец все еще горит и ноет, но я достаю вторую находку – завернутый в полиэтиленовый пакет осколок тонкого стекла. Вероятно, это часть разбитого стакана... Откуда он взялся? Я не знаю.

В заднем кармане носовой платок – увы, самый обыкновенный, дешевый, в клетку. Я дую на порез и заматываю свой пострадавший палец платком.

Интересные дела – я помню так много всего, что связано с солдатиком: Вторая мировая война, плащ-палатка, Россия... но не помню, кто я такой. Оглядываюсь по сторонам и осознаю, что теперь четко вижу и противоположную стену, и сам коридор, по которому я шел, однако, все еще не понимаю, какого он цвета. Удивительно: вокруг нет ни одного источника света и никаких теней. Такое впечатление, что все пространство вокруг равномерно флуоресцирует.

Ну что ж, не сидеть же так, прислонясь к стене, всю оставшуюся жизнь, очевидно, что попытки что-нибудь вспомнить ни к чему не приводят. Надо пройти дальше по коридору и попытаться хотя бы что-нибудь понять. Поднимаюсь на ноги, и вдруг понимаю, что все это время слышу какую-то нежную и тихую музыку. Разобрать довольно сложно: играют какие-то струнные инструменты, а сама мелодия вызывает ощущение чего-то до боли знакомого, однако, разумеется, я ничего не могу вспомнить. И женский голос. Просто тянет основную мелодию, никаких слов, что-то вроде «Ла-ла-лаааа!», и я совершенно уверен, что знаю владелицу этого голоса. Кажется, будто эта музыка и причиняет мне ту тупую ноющую головную

боль, к которой я уже почти привык. Музыка доносится откуда-то сзади, кажется, именно от нее я пытался уйти по этому коридору. Разумное решение – уйти от того, что причиняет тебе боль... с другой стороны, эта музыка – все, что может привести меня к пониманию ситуации. Пробую продвинуться в направлении звука, к счастью, боль не усиливается по мере приближения источника звука. Пение и музыка звучат все громче. Я вижу дверь, прикладываю к ней ухо – да, без сомнения, звук идет из-за нее. Но меня охватывает настоящая паника: чувствую, как стучит мое сердце в неровном ритме, кровь приливает к голове, головная боль усиливается до невыносимого уровня, и я бросаюсь бежать от этой двери, закрывая уши руками...

Лежу на полу, уткнувшись головой в угол между полом и стеной, пытаюсь отдышаться, музыка звучит откуда-то неподалеку, и тут я замечаю, что мой лоб упирается не в стену коридора, а в другую дверь. Ну, раз я не могу открыть ту дверь, открою хотя бы эту. Я отлично понимаю, что это далеко не так же важно, как войти в ту дверь, из-за которой доносится пение, однако логика подсказывает, что любая возможность должна быть использована.

– ДОРОГОЙ МОЙ, ТЕБЕ ХОЧЕТСЯ ПОЙТИ ПРОСТЫМ ПУТЕМ... НО ЗДЕСЬ ЭТО, СКОРЕЕ ВСЕГО, НЕ ПОМОЖЕТ. ТЫ ПОПАЛ В НЕПРОСТУЮ СИТУАЦИЮ.

Я принимаю решение и рву на себя дверную ручку (ручка кажется знакомой, как будто я открывал и закрывал эту дверь несчетное число раз), не вставая на ноги. Дверь приоткрывается, ударяя меня по коленкам. Я осторожно заглядываю внутрь, и мои глаза встречаются с другими глазами. Голова смотрящего на меня находится на одном уровне с моей и он (оно?) просто смотрит на меня, совершенно пусто и безразлично, но от неожиданности я отшатываюсь назад и падаю навзничь. Поднимаю голову и вижу: оно все еще стоит за дверным проемом и не двигается, его взгляд обращен в мою сторону. Ничего конкретного я не вижу – только блеск влажных глаз и приземистую фигуру.

Алиса

Первое, что каждый день делала Алиса после того, как звонил будильник, – вскакивала с дивана, быстро собиралась и бежала проверить, нет ли каких-то изменений в состоянии ее любимого, который уже восьмой день находился в реанимации. После той злополучной автомобильной аварии он находился без сознания; иногда ей казалось, что он просто спит и вот-вот проснется, однако врачи пожимали плечами: тело работает, а сознание – нет. Почему? Они не знали. Когда спасатели разрезали автомобиль, который превратился в сплошной перепутанный клубок железа, они обнаружили его сестру, сильно пострадавшую в аварии, его же тело было почти полностью в порядке.

Алисе было двадцать пять. Она «почти закончила» институт – забрала документы за несколько месяцев до выпуска – и только начинала жить самостоятельно: сняла квартиру, устроилась на работу. Она не любила объяснять, почему бросила учебу. Не потому, что не могла подобрать слова, а потому что не хотела снова вспоминать, чего ей это стоило.

Институт с самого начала ощущался как что-то неправильное. Не в деталях – целиком. Ходить туда было физически тяжело: каждое утро, каждая мысль об учебе вызывали глухое, упорное отвращение, которое со временем только усиливалось. И однажды, уже совсем рядом с дипломом, она вдруг ясно поняла: дальше она не пройдет. Не потому, что не сможет – а потому что сломается. Оставалось только одно разумное решение – уйти. Она забрала документы за три месяца до госэкзаменов.

Алиса сидела на переднем сиденье маршрутки и смотрела в окно. Этого парня она знала совсем недолго, но уже мысленно называла его «мой любимый». Сколько они были вместе до аварии? Месяц? Меньше. А ощущение – будто всю жизнь.

С ней так бывало всегда: она влюблялась быстро и всерьез. Потом было больно – каждый раз. После расставаний она любила представлять, что в следующий раз все будет иначе: легко, без обязательств, красиво и безопасно, как в книжках. И каждый раз верила в это – ровно до следующей встречи.

И вот снова: едва успев познакомиться с этим молодым человеком, только-только испытав с ним близость, она уже была влюблена в него по уши, и все ее существо напористо доказывало ей (как, впрочем, и раньше), что уж это-то точно ОН самый, и даже думать тут нечего.

Думать ей и не пришлось. На следующий день он ушел утром – на какую-то встречу – и пропал. Сначала было недоумение: неужели так можно, после всего? Потом злость и обида – значит бросил. Воспользовался, исчез – как в самых плохих книжных историях.

А потом позвонили из полиции. Его телефон нашли на месте аварии, в списке контактов был ее номер. Когда попросили сообщить данные пострадавшего, первое чувство оказалось неожиданным – облегчение. Он не ушел. Это уже потом пришло все остальное: страх, жалость, понимание, что продолжение их истории теперь почти так же невозможно. И где-то совсем глубоко – стыдное ощущение триумфа, за которое ей стало по-настоящему противно.

Каждый раз, когда она видела его, лежащего на больничной койке, бледного и неподвижного, ей было безумно жалко и страшно за себя. Она вспоминала, какой он забавный, как он болтал с ней о разных глупостях, а иногда вдруг останавливался и внимательно смотрел на нее, не мигая, как будто пытался разглядеть что-то важное. Она держала его за руку и ждала. Она была уверена в том, что если она **ОЧЕНЬ СИЛЬНО** захочет, то он обязательно откроет глаза и все вообще будет хорошо. И она сидела целый час, пытаясь настроить себя на нужный лад, стать еще более убедительной перед Высшими силами, воображала и представляла: открываются его глаза, он непонимающе смотрит на нее, узнает... А иногда в голову лезла мысль, от которой хотелось отвернуться: а что, если он их больше не откроет никогда?

Потом она шла на работу, где ее ждали ученики, куча детей, которых она должна была учить рисовать, лепить из пластилина и глины, строить модели. Работала она в школе детского творчества – недавно, но уже успела эту школу полюбить. Ей нравилось там все: возиться с детьми, с их рисунками, ей казалось, что она создает для этих детей их счастливое и интересное детство. Дети тянулись к ней, именно ей они несли свои маленькие достижения, а на ее занятия они обычно приходили с ожиданием новых радостей.

Ради этого можно было даже потерпеть, хотя и не без раздражения, претензии от начальства и порой совершенно нелепые и трудно совместимые с педагогикой требования. Выполняя к тому же обязанности уборщицы и секретарши в этой небольшой конторе, она философски рассуждала, что все это дает ей возможность общения с любимыми детьми – открытыми, умными, восторженными, это дорогого стоило, хотя и выматывало сильно.

Спешить домой ей было незачем. Она жила в съемной квартире недалеко от работы – слишком хорошей, чтобы позволить себе ее в одиночку, и потому делила жилье пополам с соседкой. Квартира была удобной, просторной, почти роскошной по ее меркам, а расположение избавляло от необходимости иметь машину. Поэтому Алиса позвала себе в соседки свою старую знакомую – не подругу, а просто очень хорошего союзника по быту. Они не делились сокровенным и не разговаривали по душам, зато отлично умели договариваться о практическом: деньгах, делах, порядке. Это делало их почти идеальными соседками.

И только одно осложняло их холостяцкий быт: обе были довольно застенчивыми в вопросах секса, и их негласным правилом было: когда у соседки «гость» – вести себя так, будто ее нет. То есть скрывать свое присутствие. Этому искусству ниндзя Алиса была обучена с детства: одной из странных традиций ее семьи было «папа ложится рано, и ему нельзя мешать» – поэтому для нее было скорее естественно не шуметь вообще. Тем не менее, всякий раз, когда у соседки завязывался роман (а это происходило регулярно, но ненадолго), она чувствовала себя лишней и старалась возвращаться домой как можно позже. И вот сейчас был именно тот случай: роман соседки только-только занимался розовым рассветом.

Поэтому вечером, когда детей разбирали родители, она наводила порядок в кабинете, щелкала выключателем, закрывала замок на три оборота, прощалась с бессменным ночным сторожем, и шла в свое любимое кафе, где в это время уже почти не было людей, садилась за свой любимый столик и смотрела задумчиво в окно. Там она убивала остаток вечера, читая незапоминающиеся романчики с одинаковыми названиями, а когда кафе закрывалось – шла домой спать, отгоняя мысли о больнице.

Максим

Сегодня в кафе было на редкость безлюдно, как будто все обычные посетители вдруг почувствовали его настроение и деликатно удалились, оставив его в одиночестве. Впрочем, возможно, виной всему был тот факт, что был довольно поздний вечер – на улице становилось прохладно, солнце подползало к верхушкам крыш, а люди спешили домой.

Максим сел за свой любимый, самый дальний от входа столик, и машинально открыл меню – скорее, по привычке. Меню он и так знал наизусть, а кроме того, всегда заказывал в этом кафе одно и то же – самую большую чашку латте с двойной корицей. Это был ритуал: когда он забредал в очередной жизненный тупик – он заходил именно в это кафе, пил латте и принимался писать и рисовать в тетради, пытаясь упорядочить свои мысли, которые казались листьями, насыпанными в редкую корзину, – любое дуновение ветра, и они разлетались во все стороны сквозь многочисленные щели и приходилось собирать их заново. У кафе менялись хозяева, причем гораздо чаще, чем меню и официанты; пару раз его ремонтировали, делая новый интерьер, который удивительным образом ничем не отличался от старого; цены на кофе росли, а Максим приходил сюда неизменно. Если бы кому-нибудь пришло в голову собрать все чеки, выданные ему в этом заведении, и подвести чисто бухгалтерский итог, то он бы, вероятно, подумал, что жизнь молодого человека состоит из сплошных тупиков, и был бы, разумеется, прав.

Ритуал срабатывал вовсе не всегда, однако других способов он не знал, и время от времени спокойное обдумывание все же приводило к тому, что в голове Максима складывался какой-то план, или хотя бы видение перспективы, а бумага покрывалась совершенно нечитаемыми надписями, стрелками, таблицами, рисунками и цифрами.

Максиму постоянно казалось, что окружающие его люди живут легко, бездумно, не всегда интересно, не всегда осмысленно, но почему-то они всегда были точно уверены в том, КАК им следует жить. Сам же Максим вынужден был каждый раз с усилием протаскивать себя по жизни, любая жизненная ситуация выбивала его из колеи, которую он с таким трудом умудрялся нащупать.

Он, не задумываясь, продиктовал заказ официантке, закрыл меню и попытался привести в порядок мысли о собственной жизни. Институт остался позади уже пять лет как, а четких профессиональных перспектив так и не появилось. Попытки влиться в рабочие коллективы раз за разом заканчивались ничем – сама мысль о постоянных распоряжениях действовала на него удушающе. Он был готов признавать авторитет, но только там, где видел реальную компетентность и опыт. Проблема заключалась в том, что таких людей ему почти не встречалось – по крайней мере так он это воспринимал. Сначала это было юношеское высокомерие, потом привычка, и в итоге любое очередное трудоустройство заканчивалось конфликтом и хлопком дверью. При этом он не сидел у кого-то на шее: деньги были для него условием самостоятельности, и он всегда находил разовые заказы, чтобы зарабатывать.

Что касается так называемой личной жизни, здесь ему тоже было нечем особенно гордиться. С того момента, как Максим вообще начал интересоваться противоположным полом, его опыт почему-то разделился на два почти равных по времени периода: сначала девушки его не замечали вовсе, а потом вдруг стали замечать слишком активно. Как именно одно перетекло в другое, он не понял, но, разумеется, с готовностью воспользовался новым положением дел.

Почти все его отношения поначалу казались многообещающими, но постепенно неизменно угасали и рассыпались. Пару раз он пытался заводить так называемые легкие романы, однако довольно быстро обнаружил, что и здесь он – исключение из правила. Вопреки распространённому мнению о мужской нелюбви к близости Максим очень скоро начинал скучать и тянуться глубже – задавать вопросы, всматриваться, пытаться понять, что у человека внутри.

И именно в этот момент, чаще всего, возникала стена. Женщины не спешили открывать ему свои тайны, держали оборону, и каждый очередной шаг Максима навстречу, каждое ощущение приближения к чужой глубине почему-то только ускоряло расставание. Создавалось странное впечатление, будто у каждой его женщины существует определенная внутренняя граница, за которую нельзя пускать никого – во всяком случае, его. И ради сохранности этой границы они были готовы разрывать отношения.

Со временем Максим догадался, что ищет в женщине, скорее, друга и родственную душу, чем просто любовницу. Но тут же натолкнулся на неприятную мысль: возможно, дело было не только в женщинах. Пытаясь проникнуть в чужую душу, он почти не стремился раскрыть собственную.

Похожим образом складывались и его отношения с друзьями. Людей вокруг было немало, он легко становился своим в компаниях, нравился, был желанным собеседником – и при этом оставался один. Ни одного из этих людей он не мог честно назвать другом, как не мог назвать другом и самого себя для кого-то другого. Поэтому и сейчас ему приходилось вести беседы не с другом, а с тетрадью и чашкой латте. И даже если бы такие люди у него нашлись, Максим всё равно считал, что с подобными вещами нужно справляться самостоятельно – это было для него чем-то вроде внутреннего правила, почти вопросом чести.

Время шло, а Максим так и не притронулся к ручке, он просто сидел, вспоминая разные ситуации и мысленно подводя итоги. И все сводилось к одному: у него нет ровным счетом ничего, и это неудивительно, ибо он и не знал, чего хочет, а если и знал – то точно уж не знал, как ему этого добиться. Тупик. Он был, как осколок, отколовшийся от вазы и приклеенный к ней заботливой хозяйкой – занимал свое место в жизни других людей, но от них его отделял тонкий и почти невидимый слой, который только создавал видимость целостности.

Хлопнула дверь кафе – и в зале появился еще один посетитель. Максим стал разглядывать девушку, которая устраивалась за столиком в противоположном конце зала. Так люди обычно и делают: если есть возможность держаться подальше друг от друга, они ею пользуются. Не из неприязни – просто расстояние кажется безопаснее.

Она сняла длинный оранжево-коричневый шарф крупной вязки, легкий и теплый на вид и села лицом к Максиму. Кивнула официантке, взяла меню. Читала она, впрочем, рассеянно – скорее, перелистывала страницы, время от времени оглядывая зал. У нее было красивое лицо, длинные темные волосы и немного близорукий взгляд: она то щурилась, словно пытаясь что-то разглядеть, то смотрела сквозь пространство. С одинаковой легкой улыбкой она взглянула на барную стойку, кондиционер, болтающих официанток, на Максима – и уставилась в окно.

Максим с легким сожалением отметил, что девушка ему нравится – полностью в его вкусе. Ситуация вполне позволяла подойти и сказать что-нибудь дежурно-дурацкое: спросить про меню, пошутить, завязать разговор. Но он этого не делает. Он это знал. При всей внешней раскованности Максим был застенчив – и сам себе в этом не врал. Поэтому он остался за своим столиком, допивая остывший кофе, украдкой наблюдал за девушкой и делал вид, что занят своими записями.

Чтобы не чувствовать себя виноватым в бесцельной трате времени, Максим взял ручку и провел посередине листа вертикальную линию. Слева написал: «Чего я хочу?», справа – «Как этого добиться?»

Немного подумав, он честно признался себе, что хочет найти девушку. С момента последнего расставания прошел месяц, а такие периоды он всегда переносил тяжело – независимо от того, кто был инициатором разрыва. Один раз, совсем недавно, история и вовсе вышла странной: его девушка просто исчезла, перестала отвечать на звонки, и больше он ничего о ней не узнал. Он удивился, но не слишком расстроился. Роман длился чуть больше месяца и уже начал выдыхаться – тревожный признак, потому что обычно его «розовые очки» держались

дольше. То ли отношения изначально были нежизнеспособны, то ли он становится старше и утрачивает способность увлекаться по-настоящему, забывая обо всем остальном.

В любом случае, каждый раз, когда он встречался с ней, в голове звучал один и тот же негромкий, но настойчивый голос: «А ведь это не та самая, Макс. И ты это знаешь». Он даже мысленно репетировал сцену расставания – как говорит ей что-то обтекаемое и трусливое вроде: «Ты знаешь... я не тот, кто тебе нужен», – формулировку, которая всегда заменяла честное «ты не та, кто мне нужна». Он заранее представлял ее растерянность, возмущение, упреки – и боялся.

Но еще больше он боялся одиночества. Не отсутствия разговоров – отсутствия человека, который о тебе думает. Поэтому после этого неожиданно завершившегося романа он почти сразу вляпался в следующий – уже откровенно невыносимый, и довольно быстро сам же его и прекратил.

Он снова взглянул на столик, за которым устроилась незнакомка. Та была поглощена чтением и смакованием молочной пены в огромной чашке – Максим всегда удивлялся, кто заказывает такие почти полулитровые порции кофе; оказалось, вот такие симпатичные девушки и заказывают. Теперь на ней были очки – без оправы, прозрачные дужки, их можно было бы не заметить, если бы девушка не поправляла их на переносице чаще, чем это требовалось. На ее губах была все та же рассеянная улыбка, а брови забавно изгибались, вероятно, содержимое ее миниатюрного томика с ярко-красной обложкой было смешным.

Что-то в девушке направило мысли Максима в незапланированную сторону: он вдруг представил, как бы она смотрелась у него дома, совершенно голая и в этих самых очках. Причем это вовсе не было постельной сценой, скорее что-то вроде милого домашнего вечера, когда они сидят в обнимку на диване и смотрят телевизор. Смотреть телевизор Максим не любил, да, собственно, у него и не было телевизора с момента переезда в съемную квартиру. Однако идея смотреть телевизор с ней, сидя голыми на диване выглядела очень притягательно. А после – идти готовить что-нибудь перекусить, вместе нарезать, тереть и поджаривать, разумеется, не одеваясь. Так могли проводить время не столько любовники, сколько действительно душевно близкие люди.

Когда-то давно Максим услышал от друга дзенский коан про хлопок одной руки. Вопрос учителя звучал так: «Покажи мне хлопок одной руки». Бедняга-ученик, вынужденный искать несуществующий ответ, несколько раз приносил учителю результаты своих размышлений, в ответ получая неизменное «Не то», пока не достиг просветления, так и не ответив, впрочем, на вопрос. История зацепила Максима своей метафоричностью, и он каждый раз удивлялся тому, как много в мире иллюстрирует эта простая метафора «хлопок одной руки». И вот сейчас он себя ощущал именно такой одинокой рукой, которая неспособна произвести даже простое действие – просто потому, что оно невозможно. И он записал под словами «найти девушку» новое: «одной руке для хлопка нужна вторая рука».

Как ни странно, записав это, Максим почувствовал небывалое облегчение. Он допил свой латте и поднял взгляд на столик, за которым сидела девушка. Столик был пуст.

ТЕМНОТА

Сквозь сон я слышал, как кто-то ходит по моей комнате, стараясь вести себя максимально тихо. Обычно так поступала мама, если ей что-то было нужно, и она не хотела меня разбудить. Я уловил знакомый звук – щелкнул магнитный замок книжного шкафа. Из вежливости я продолжил прикидываться спящим, хотя сна уже не было ни в одном глазу. Мне не хотелось расстраивать ее, признаваясь, что она меня все-таки разбудила.

Когда шаги стихли и дверь напоследок защелкнулась чуть громче, чем следовало, я перевернулся на спину и открыл глаза.

Вокруг была полная темнота. Но я точно знал, что лежу в своей кровати, в своей комнате, а под головой – моя старая перьевая подушка, свалывшаяся и твердая, как камень. Я попытался вспомнить, что мне только что снилось. Что-то спутанное и тревожное. Последним всплывал тупой, влажный взгляд из темноты...

Потом, постепенно, начали возвращаться детали: коридор, двери, пение, голоса.

– ХА. ОН РЕШИЛ, ЧТО ЭТО БЫЛ СОН.

– ПОХОЖЕ... ОН ВЫБРАЛ САМОЕ ПРОСТОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ.

Первый голос был отчетливо мальчишеский, резкий, с хрипотцой, то и дело срывающийся на высокие ноты. Второй – спокойнее, мягче, с едва заметной сиплостью, скорее женский. Было очевидно, что в комнате никого нет. Голоса звучали не снаружи, а прямо внутри – точно так же, как во сне.

Я затаился и прислушался. Но больше они ничего не сказали.

Темнота понемногу начала редеть, и я стал различать знакомые очертания: стол, за которым делал уроки, лампу, окно. Обычная комната, ничего необычного. И все же что-то не сходилось.

Я не слышал улицы.

Мы жили на четвертом этаже дома, окна выходили на одну из оживленных улиц города. Машины, сигналы, визг тормозов – этот шум был со мной всегда, настолько привычный, что я переставал его замечать. И теперь его не было вовсе. Тишина стояла такая плотная, что от нее по спине побежали мурашки.

Самым простым было бы отдернуть занавеску и убедиться, что все в порядке. Найти рациональное объяснение и успокоиться. Но я почему-то с этим я решил повременить. Как после любого сна, я пытался восстановить картину происходящего, только на этот раз она упорно не складывалась. Обстановка была знакомой, а вот мое место в ней – нет. Я не знал, какой сейчас год. Который час. Что я делал вчера и что должен делать сегодня. На столе отчетливо видел школьную сумку и тетрадь, однако даже примерно не предполагал какие именно уроки мне предстоит посетить, кто их ведет и кто будет рядом со мной за партой. Иными словами, с памятью все обстояло ровным счетом, как в моем сне.

Я сел на кровати, спустил ноги вниз. Они привычно нырнули в тапки. Я встал и, слегка покачиваясь, подошел к окну. Капрон занавески скользнул между пальцами, в средний палец тут же стрельнула тупая боль, крючок скрипнул по карнизу – и за стеклом открылась серая, невнятная мгла. Не было улицы, фонарей, машин. Не было и ночи. Всё выглядело так, словно за окном – очень пасмурный день, укутывающий всё плотным туманом. Без времени и направления. Я дернул занавеску до конца, крючки снова пронзительно заскрипели, я обернулся.

На спинке кровати висели мои джинсы и рубашка в клетку. Сам я был голым, но точно знал, где лежат трусы – под подушкой. Я всегда спал нагишом, но стеснялся этого и предпочитал иметь возможность одеться за пару секунд, если в комнату войдет кто-нибудь из родных.

Натянул трусы, джинсы, рубашку, нашарил под кроватью кеды и, собравшись с духом, взялся за дверную ручку.

Дверь открылась. За ней был коридор. По спине снова пробежали мурашки. Значит, это все-таки не сон. И палец болит – верно, я же порезал его о стекло.

Что, черт возьми, происходит?

– ФОРМУЛИРУЯ ВОПРОС ТАКИМ ОБРАЗОМ, ТЫ НЕ ДАЕШЬ НАМ ВОЗМОЖНОСТИ СКАЗАТЬ ТЕБЕ ЧТО-ТО ПОЛЕЗНОЕ, – раздался новый голос. Он был низкий, спокойный, задумчивый, почти безличный.

Я сделал то, что давно следовало сделать. Спросил вслух:

– Кто вы?

– ПРОСТИ, МИЛЫЙ, – ответил голос, который я уже мысленно окрестил «бабушкой». – МЫ ПОКА НЕ МОЖЕМ ТЕБЕ ВСЕ ОБЪЯСНИТЬ. ЕСЛИ МЫ ОШИБЕМСЯ – МОЖЕТ СТАТЬ СИЛЬНО ХУЖЕ. ПЕРВЫЕ ХОДЫ В ЭТОЙ ИГРЕ – ТВОИ.

– Но что мне делать? С чего начать? – Попытался я еще раз.

Ответом была тишина.

Я вернулся в «свою» комнату и открыл тетрадь, лежавшую на столе. Только теперь я понял, что она вовсе не школьная: таких больших тетрадей на пружине в мои школьные годы не было. На первой странице написана всего одна фраза:

«Хлопок одной ладони тише самой тишины, однако в нем есть энергия и страсть одной руки».

В стоявшей рядом сумке не было ничего. Как и в шкафу. И вообще во всей комнате. Теперь она выглядела как декорация – аккуратная, но пустая, словно ее забыли наполнить жизнью.

Положил в сумку тетрадь, затем достал из карманов солдатика и осколок стекла и, подумав, тоже убрал их туда. Раз уж я оказался исследователем этого места, разбрасываться даже мелочами было бы глупо. Почувствовал себя внезапно очень бодрым. Сердце забилось часто, как после короткого, резкого рывка. Вышел в коридор и решительно пошел поперек – к той двери, из-за которой вчера слышал пение.

Алиса

Сегодня доктор сказал ей, что у пациента есть некоторые изменения. «Никакой положительной динамики – уточнил он сразу, – но около девяти утра аппаратура зафиксировала учащенное сердцебиение, минут на пятнадцать, после чего всё снова вернулось к прежнему ритму».

Доктор был немолод, с короткими седыми волосами и лицом, с застывшим выражением усталости и легкой обиды на жизнь. С Алисой он всегда говорил мягко и, рассказывая о пациенте, неизменно называл его «вашим мужем», хотя прекрасно знал, что они не женаты. Вероятно, так ему было проще расставить всё по местам: если женщина каждый день приходит к молодому человеку, которого почти не знает, значит – муж. Всё ясно и объяснимо.

– Само по себе это ни хорошо и ни плохо, – продолжил он. – Я не могу сказать, что это признак улучшения или ухудшения. Но мне кажется, что это скорее хорошо.

– Почему? – спросила Алиса больше для того, чтобы не дать разговору оборваться. Для себя она уже все решила: это был добрый знак. Она вообще считала, что любые знаки – добрые, если очень захотеть.

– С медицинской точки зрения – нипочему. Но если человек долго никак не реагировал, то любое изменение лучше, чем их полное отсутствие. Возможно, в организме запустился какой-то процесс. Нам только кажется, что он полностью неподвижен. На самом деле мозг работает, и довольно активно. Пациент, скорее всего, видит сны. В его сознании что-то происходит, а мы наблюдаем внешние проявления – например, сердце. Он выкарабкается. Просто ему, видимо, нелегко найти к нам дорогу.

Доктор ушел, оставив Алису сидеть рядом с неподвижным телом.

Найти дорогу... Да, это и в обычной жизни бывает сложно. Интересно, что он сейчас видит? Может быть, ему снится она. А может – кто-то другой, о ком она даже не догадывается. Они ведь были вместе совсем недолго. Почти ничего друг о друге не успели узнать. Сошлись как-то молча, будто и без слов было ясно, что так должно быть. Хотя... это ведь только ее версия. Кто знает, возможно, для него это был всего лишь очередной роман – легкий, необязывающий. Она поймала себя на неприятной мысли: а вдруг ей просто нравится быть той, кто ждет? И тут же оттолкнула ее.

Алиса посмотрела на прикроватную тумбочку. Она была пустой – таким больным ничего не приносят. И ей вдруг стало важно, чтобы рядом с ним было хоть что-то от нее. Она порылась в сумке и нащупала маленький прохладный предмет – фарфоровую фигурку мыши, крошечную, почти игрушечную. То, что нужно. Поставила ее на столик; фарфор тихо звякнул о стекло. Посидела еще немного и вышла.

В коридоре доктор разговаривал с кем-то в белом халате. Алиса подождала и спросила о сестре Максима.

– Мы боремся за ее жизнь, – ответил он. – Пока без положительной динамики. Тяжелые травмы, внутреннее кровотечение, переломы. Сильно пострадало лицо... Если она выкарабкается, ей предстоит долгое восстановление, пластические операции. Сейчас все зависит от того, выдержит ли организм.

– А... помочь чем-то можно?

– Мы делаем все возможное. Остается ждать.

Выходя из больницы, Алиса вдруг поймала себя на мысли, от которой стало по-настоящему страшно: что бы она выбрала – умереть или остаться жить с изуродованным лицом? Ответа не было. Попыталась представить, как девушку выписывают, как врачи все исправляют, как жизнь продолжается – свидания, смех, обычные глупости. Фантазия не работала. Мысли становились только тяжелее.

Даже пожилая гардеробщица заметила ее состояние и, вопреки своей обычной суровости, подала куртку особенно бережно и даже улыбнулась. Алиса уловила этот жест почти физически – как будто вместе с курткой ей попытались передать кусочек тепла.

Алиса шла по улице, и в голове всплывали сцены расставаний: кто-то уезжал, кто-то исчезал, кто-то говорил, что лучше больше не встречаться. Вспомнилась одноклассница, погибшая в аварии три года назад. Алиса случайно встретила ее за пару недель до трагедии – мельком, в коридоре офисного здания, и не успела окликнуть. Потом ей еще не раз мерещилось знакомое лицо в толпе, и каждый раз приходило запоздалое понимание: ее нигде больше нет.

– Куда?!

Визг тормозов вырвал ее из мыслей. Фары огромного автомобиля вспыхнули совсем рядом. Алиса неловко дернулась в сторону и оказалась на тротуаре. Машина уехала, водитель что-то крикнул, но она не разобрала слов. Ноги дрожали, перед глазами плыло.

Она закрыла глаза – и на мгновение увидела серый коридор, наполненный туманом. Не страшный. Просто место, которое она будто уже знала.

Открыв глаза, Алиса вдруг поняла, что промокла. Она шла под проливным дождем, машинально крутя в руках коралловый зонт-трость. В туфлях хлюпала вода, сумка была насквозь мокрой. Холодно, глупо, неудобно.

И все же она вдруг ощутила резкую, почти болезненную радость. Она была жива. Сердце билось. Воздух входил и выходил. Алиса подняла лицо к дождю. Мир вокруг будто выкрутили на максимальную яркость: зеленые листья, разноцветные дома, зонты, запах мокрого города. Слезы текли сами собой, и она не стала их вытирать.

ПОСТОЯНСТВО ПАМЯТИ

Выйдя из комнаты в коридор, я огляделся.

Да, ничего не изменилось – всё те же бесцветные стены, только теперь я видел их совершенно отчетливо, как будто кто-то прибавил резкость. Память ко мне так и не вернулась, но новые воспоминания, похоже, сохранялись нормально: я отлично помнил, как... вчера? недавно... шел по этому коридору, как наткнулся на дверь, за которой кто-то пел, как в ужасе (почему в ужасе?) убежал от нее, как влетел в дверь «своей комнаты», из которой только что и вышел.

Правда, гладко было не все.

Во-первых, я помнил место, где стояла та дверь. Сейчас здесь была такая же глухая стена, как и везде. Дверь исчезла – или я вышел не из той комнаты, в которую, как мне казалось, входил. Во-вторых, я уже не был уверен, что за дверью видел какое-то существо. Может, просто убедил себя, что видел. Слишком удобно – списать все на страх, на нервы, на сон.

Но это не меняло главного: мне нужно было решать, что делать дальше. Коридор тянулся в обе стороны одинаково бесконечно. Вариантов было всего два: туда или сюда. Можно было еще вернуться в комнату и попробовать вылезти в окно, но я обернулся и замер: двери не было.

Вообще ни в одной стене не было ни одной двери. Меня окружало монотонное пространство из четырех плоскостей: две стены, пол и потолок. Я прислушался к себе – внутри ничего похожего на предчувствие не содержалось. Ни «туда», ни «сюда». Только пустота. И я стоял посреди нее, как Буриданов осел, которому забыли выдать хотя бы монетку.

– СЛУШАЙ, – голос прозвучал так, словно кто-то стоял совсем рядом, чуть левее. Мальчишеский, насмешливый, но не злой. – **ТЫ ТОЛЬКО ЧТО ВИДЕЛ, КАК ИСЧЕЗЛА ДВЕРЬ. И ДО СИХ ПОР ДУМАЕШЬ ПРО «ТУДА» И «СЮДА». ТЫ ИЩЕШЬ НЕ ТАМ.**

Я машинально повернулся влево, где, по ощущениям, был говорящий, и спросил в пустоту:

– Кто вы?

– **НЕ ТРАТЬ ВРЕМЯ,** – он будто бы поморщился. – **Я ТЕБЕ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН ГОВОРИТЬ. ТЕБЕ ДАЖЕ ОПАСНО МЕНЯ СЛУШАТЬ, ЛУЧШЕ ДЕЙСТВУЙ ТАК, КАК САМ РЕШИШЬ.**

Секунду было тихо. Потом, мягко, почти ласково, отозвался другой голос – «бабушка».

– **МОЙ ХОРОШИЙ,** – ее голос звучал ласково и улыбочиво, и я немного успокоился. – **ТЫ СЕЙЧАС ХОЧЕШЬ ПОДПОРКУ. ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ТЕБЕ СКАЗАЛИ: ВОТ ТУТ ДВЕРЬ, ВОТ ТУТ ВЫХОД, ВОТ ТУТ ПРАВДА. НО ЗДЕСЬ ЭТО НЕ ПОМОЖЕТ, ПОВЕРЬ.**

– Но где я? Что я здесь делаю? Кто я, в конце концов? Я ничего не помню!

– **ТЫ ЗАДАЕШЬ ПРАВИЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ,** – ответила она после короткой паузы. И вдруг, неожиданно, почти устало добавила: – **ТОЛЬКО НЕ ТРЕБУЙ ОТВЕТА ПРЯМО СЕЙЧАС. ИДИ.**

Я понял, что дальше смысла спрашивать нет. Они – если это вообще «они» – говорили ровно столько, сколько нужно, чтобы оставить меня одного с моим выбором. И я его сделал: пошел туда, откуда звучали голоса. Разумеется, понимал, что не встречу там их обладателей, однако они послужили чем-то вроде монетки, которую я мог бы подкинуть и загадать, в каком направлении двигаться.

Я шел довольно долго, и в какой-то момент заметил, что звук моих шагов изменился – стал гулким, сухим. Взглянул под ноги и опешил: пол состоял из темных струганных досок, покрытых морилкой, да и стены тоже, только были выкрашены оранжевой краской и местами потрескались.

Я не заметил момента, когда произошла метаморфоза. Просто все стало другим – и все стало убедительно настоящим. И еще: вокруг появились звуки. Где-то были слышны шаги, скрип, шелест. За стеной справа сиплый мужской голос звал:

– Каролина! Каролина! Подержи ковер!

Я приложил ладонь к стене, постучал. Доски отозвались так, как отзываются настоящие толстые доски, за которыми есть воздух. И все равно – двери не было. Тогда я ударил кулаком в стену и крикнул:

– Эй! Вы меня слышите?

Прижался ухом, даже глаза зажмурил, чтобы не пропустить ни малейшего шороха.

За стеной послышался гул, какой-то невнятный топот, прямо напротив моего уха что-то звякнуло, как будто маленький твердый предмет положили на стекло. И все стихло.

Открыл глаза и обнаружил, что меня окружает крошечная темнота. Комок подкатил к горлу, а загравком я почувствовал ледяные крупинки, которые катились от затылка вниз на спину. Я вытянул руку в темноту, другой держась за стену. Присел. Под ногами что-то скрипнуло – и звук тут же умер, не раскатившись эхом. Как будто я находился не в бесконечном коридоре, а в маленьком помещении.

Опустился на колени и нащупал мягкое.

Матрас.

Руками нашел спинку кровати, на которой он лежал. Сел, спустил ноги вниз – на пол. Глаза начали привыкать. В темноте проступил прямоугольник окна – чуть светлее окружающего. Комнатка оказалась крошечной: между краем кровати и противоположной стеной – едва ли метр. Впритык между стеной и кроватью, напротив двери, стоял шкаф. Кровать – ровно от стены до стены. Я сразу узнал эту комнату – в ней я всегда ночевал на даче родителей когда был подростком.

И тут я ощутил, что в комнате кроме меня еще кто-то находится. В углу у двери виднелось совершенно черное пятно, и слышалось дыхание: тихое и прерывистое, как будто какое-то небольшое существо сидело около двери. Первая мысль, которая пришла мне в голову: собака.

Неприятный холодок пробежал по моей спине, а все тело замерло, отказываясь делать хотя бы малейшее движение, только в глубине грудной клетки с отчаянным азартом заработало сердце, ускоряя пульс в моих ушах. Некоторое время сидел неподвижно, не отрывая взгляд от темного, слегка подрагивающего пятна. Потом собрался с силами и разогнал панические мысли. Надо включить свет и разобраться: совершенно машинально протянул руку к выключателю настенного светильника, знакомым жестом нажал кнопку.

В углу сидел подросток.

Почти голый, с тощими коленками, между которыми была зажата лохматая голова. Лица не было видно. Ему можно было дать максимум лет двенадцать – такой он был нескладный и худой. Что-то в нем казалось смутно знакомым, но я не мог понять, что именно. Почему-то совсем не было страшно, скорее у меня уже было ощущение полной нереальности происходящего, как будто я спал и видел сон. Однако, для сна все было слишком четким и определенным, реальность, если и менялась время от времени, но после изменений долгое время пребывала в состоянии крайне убедительного постоянства.

– МАЛЬЧИК... – «бабушка» возникла, как всегда, не спрашивая. Ее голос звучал осторожно, будто она и сама проверяла слова на вкус. – ТЫ ОПЯТЬ ДУМАЕШЬ: «СОН». И В ЭТОМ ЕСТЬ СМЫСЛ. НО НЕ РАССЛАБЛЯЙСЯ. СОН – ЭТО НЕ КИНО. КАК ДУМАЕШЬ – МОЖНО ЛИ УМЕРЕТЬ ВО СНЕ?

Я сглотнул.

– Значит, я сплю? Ну... в какой-то степени?

Подросток вздрогнул от звука моего голоса, но головы не поднял. Он сидел все так же, свернувшись в комок, и мелко дрожал.

– В КАКОЙ-ТО, – ответила «бабушка» после паузы. – ЕСТЬ ТЫ – И ЕСТЬ ТО, КУДА ТЫ ПРОВАЛИЛСЯ. Я НЕ ЗНАЮ, КАК ЭТО НАЗВАТЬ, ЧТОБЫ ТЫ НЕ СХВАТИЛСЯ ЗА СЛОВО И НЕ СДЕЛАЛ ИЗ НЕГО СПАСАТЕЛЬНЫЙ ПЛОТ.

– Так, где же я все-таки?! – Я слышал, как срывается голос. – Ответьте! Я прошу вас!

Тишина. Мальчик в углу, который затих, вслушиваясь в мой крик, вдруг поднял голову и взглянул на меня своими серыми глазами. С тех пор, как очнулся в бесцветном коридоре, я ни разу не видел свое отражение в зеркале, однако, это было и ненужно. Увидев лицо мальчишки, я сразу понял: лицо у него мое собственное.

Максим

Эту вазу он разбил совершенно случайно, разумеется. И меньше всего его сейчас заботил вопрос «как оправдаться». Ваза стояла на секретере – огромная, красивая, стеклянная, с дарственной надписью к юбилею. Зайдя в гости к подруге, он неловко задел вазу локтем, и в следующую секунду та уже летела на пол.

Как это с ним часто бывало, мысль сработала безупречно и слишком быстро: он сразу придумал, где можно заказать точно такую же вазу и сделать такую же гравировку. План был готов еще до того, как подруга успела выдохнуть. Максим тут же изложил его – спокойно, почти деловито.

Подруга, в отличие от него, пребывала в состоянии шока. Ваза была дорога ее матери, и, зная ту, несложно было представить реакцию.

– Ты что, с ума сошел?! – Закричала она. – Что за бред! Ты правда считаешь, что можно просто подменить вазу, и она ничего не заметит?!

Она кричала так, что, казалось, остальная посуда вот-вот полопается вслед за вазой. Даже соседская собака, воющая все утро, вдруг удивленно замолчала.

– Слушай, – сказал Максим, стараясь говорить ровно, – ты же понимаешь, что криком делу не поможешь. У нас есть два варианта: либо рассказать все твоей маме, либо попробовать. Я, честно говоря, не вижу никаких технических проблем.

– «Технических проблем», – передразнила она, кривляясь. – А ты не хочешь подсказать, как я объясню, почему вазы вообще нет, если она решит прийти в гости? Об этом ты подумал?

Подруга жила одна – в квартире, которую ей оставила мать. Та ушла жить к своему «мужу номер два», как она его называла, хотя никакого официального брака не было: они просто вместе жили, наслаждаясь неожиданно вспыхнувшим романом. Единственная дочь «новобрачной» с удовольствием осваивала независимую жизнь. В том числе – встречалась со своим молодым человеком, который оказался, увы, неуклюжим бегемотом и умудрился разбить именно тот предмет, отсутствие которого мать заметит сразу.

– Объяснить будет сложно, – согласился Максим. – Но это значит только одно: надо сделать всё как можно быстрее – до того, как твоя мама захочет вернуться. Насколько я понял, это планируется нескоро. А если вдруг случится раньше – тогда будем действовать по плану «А».

– Что за план «А»?

– Рассказать ей правду.

– Великолепно, – сказала она с ядовитым восторгом. – Я даже не удивлена. Твой разум просто создан для генерации никчемных идей.

От страха перед матерью она окончательно теряла контроль. А Максим, глядя на нее, снова – уже не в первый раз – подумал: я опять ошибся.

С одной стороны, она была умна, интеллигентна, очень красива. У них было много общего: могли часами болтать о знакомых, обсуждать фильмы, строить пустые, приятные планы. Максим искренне любил эти разговоры и даже убеждал себя, что именно из таких вещей и складывается близость.

Но с самого начала его что-то царапало. Одна маленькая соринка, которую он старательно игнорировал, но она снова и снова попадалась на глаза.

Постепенно понял: для нее, по-настоящему, не существовало других людей. То есть они, конечно, были – говорили с ней, смеялись, восхищались, – но лишь до тех пор, пока развлекали. Как только человек начинал ее утомлять, руки будто нащупывали невидимую кнопку выключения. И она нажимала: оскорбляла, провоцировала, высмеивала – делала всё, чтобы стало тихо и пусто. И при этом – странный парадокс – людей вокруг нее всегда было много. Готовых на что угодно, лишь бы стать тем, кого она будет ценить и уважать по-настоящему.

Но, увы, таких людей на самом деле не существовало, и новые фавориты получали тот же удар по носу, что и предыдущие.

Максим уже чувствовал, как этот удар завис над его собственным носом. Более того, понимал, что, возможно, был бы даже рад избавиться от этих изматывающих отношений. И все же что-то продолжало удерживать их вместе – не то привычка, не то надежда, не то его упрямое желание доказать самому себе, что способен быть для кого-то важным.

На следующий день он заказал в интернете вазу – точную копию разбитой – и зашел к подруге в последний раз, чтобы забрать осколки с надписью: показать граверу образец. Она протянула ему коробку – бережно упакованную, почему-то в коробку от гигиенических прокладок. Максим поблагодарил, поставил коробку на столик, глубоко вдохнул и решительно произнес:

– Знаешь... мы больше с тобой не будем встречаться.

Этой сцены он боялся последние пару месяцев. Но, произнеся фразу вслух, вдруг почувствовал, как напряжение исчезло, теперь он наблюдал за сценой как бы со стороны. Было интересно видеть, как саркастическая улыбка на ее красивом лице сначала сменяется непониманием, потом – задумчивостью, а затем распадается в плаксивую гримасу.

Ну, конечно: все пошло не по плану. Это она должна была его оттолкнуть, а не он – ее. Теперь полагалось бороться, уговаривать, возвращать контроль. Впрочем, это уже не имело значения: вопрос был лишь в том, сколько времени уйдет на упреки, слезы и мольбы. Его ушло немало – тут она была не просто мастером, а настоящим профессионалом.

Пока шел разговор, Максим пытался понять, что именно мешает ему просто встать и выйти. Не слушать. Не говорить то, что и так известно заранее. Честный ответ оказался неприятным, но простым: он уже чувствовал себя виноватым – и теперь старался хотя бы формально эту вину загладить.

Наконец Максим смог сбежать. Вышел из подъезда, держа коробку под мышкой, и на несколько секунд остановился оглядеться. День стоял летний, почти жаркий, но ветер был холодным, и на деревьях уже виднелись первые желтые листья. Ему вдруг показалось, что поле зрения расширилось. Как будто раньше смотрел на мир через телевизор, а теперь оказался в зале кинотеатра с огромным экраном. Пейзаж больше не складывался из пары деталей – видно было сразу все: небо, землю, дома, деревья, движение воздуха между ними.

Люди, проходившие мимо, казались полусонными. И именно сейчас он с неожиданной ясностью понял: они, бедняги, этого не видят. Не чувствуют. Не проживают этой полноты, которая вдруг накрыла его целиком. Их мир был серым и плоским – не потому, что был таким на самом деле, а потому, что они его так воспринимали.

И только тогда Максим понял: он все сделал правильно. Неправильным было лишь одно – что не сделал этого раньше.

Однако решить вопрос с вазой считал вопросом чести. Максим вообще старался, расставаясь с девушками, по возможности сохранять с ними хотя бы видимость добрых отношений, но уже начинал подозревать, что дальше видимости, увы, возможности людей не распространяются. Слишком уж это сложно – вдруг по команде, поменять отношение к человеку на какое-то другое. Впрочем, дело было даже не в этом.

Просто какие бы ни были плохие отношения, держатся они обычно на испытываемой время от времени нежности – той, что выражается, например, в сексуальных ласках. И именно на это ты теряешь право, когда с кем-то расстаешься: испытывать нежность и, главное, позволять себе ее проявлять. Расположение – пожалуйста, уважение – сколько угодно, а вот нежность – увы.

Нежность находится в ведении тела, а не ума. И тело ничего понимать не хочет – ему подавай его милые, знакомые привычки. Единственный способ, который со временем все-таки срабатывает, – это «с глаз долой».

Максим дождался, когда придет заказ, забрал его на почте и разорвал картонную коробку. После пятиминутного копошения во всевозможных упаковочных материалах извлек на свет вазу. Достал из той самой коробки из-под прокладок самый крупный осколок и приложил. Профессиональный глазомер его не подвел – ваза была идентичной. Теперь оставалось только отнести ее к граверу. Впрочем, с этим проблем не было: такого специалиста он знал и уже проверял в деле.

Гравер работал в одном из укромных углов старого магазина – тех, куда заходят только если точно знают, зачем пришли. Продавцы стояли в своих стеклянных «комнатках», стены которых были заставлены и завешаны всякой всячиной – от посуды до электроприборов. А мастер сидел в своем углу перед стеклянным ящиком пескоструйной машины. Его руки в защитных перчатках были просунуты внутрь, и он держал то бутылку, то бокал, то просто стеклянный прямоугольник, на котором защитной пленкой было нанесено изображение.

Мастер всегда был удивительно дружелюбен и жизнерадостен. У него была забавная манера двигать кожей на лбу во время разговора, раскрывая глаза шире всяческих человеческих возможностей, и постоянно улыбаться. А пескоструйная машина выла и ревела, выбрасывая на незащищенное стекло струю мелких песчинок, которые царапали его, превращаясь в рисунок.

Максим, найдя нужный закоулок, подошел к прилавку гравера. Перед ним уже стояла клиентка. Он видел ее со спины: кремовый свитер с огромным воротником, длинные русые волосы, собранные в хвост, коричневые джинсы и длинный оранжевый шарф. Этот шарф показался ему знакомым, и он встал чуть сбоку, пытаясь рассмотреть лицо.

Да, это была она – та самая девушка из кафе. Сейчас она, кажется, заказывала гравировку на какой-то стеклянной статуэтке восточного вида. Гравер старательно, своим очень корявым почерком, записывал фразу и показывал ей на экране компьютера примеры шрифтов, которые, по его мнению, подойдут для этой работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.